

ОБ ОДНОЙ ИЗ ОСНОВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРИЧИН ПРОЦЕССА РАСПАДА СССР

Аннотация

В статье на основе совокупности факторов, их анализа и взаимосвязи предпринимается попытка определить так называемую «точку невозврата» и фундаментальную причину, которые запустили политико-исторический процесс распада Союза ССР и которые, в сложившихся к тому времени условиях, придали этому процессу распада необратимый характер. Определена основная мера политического и организационно-юридического характера, позволявшая предотвратить негативное для Российского государства развитие событий и способная, по мнению автора, заложить основу гармонии Конституции СССР, властных, межнациональных и межсубъектных отношений в рамках единого союзного государства. При этом предложено и предварительно проанализировано возможное компромиссное положение, основанное на принципах ООН — права наций на самоопределение и территориальной целостности сложившегося государства. Показано, что своевременная проработка и реализация данного положения в действовавшей в 1990–1991 гг. Конституции СССР позволяла предотвратить распад союзного государства.

Ключевые слова: СССР, распад, конституция, референдум, исторический процесс, устойчивость, ООН, консенсус.

Автор

Шатохин Сергей Станиславович

Кандидат технических наук, доцент кафедры
«Лесного инжиниринга» СибГУ им. М.Ф. Решетнева
(Красноярск, Россия)

Многие ученые, политики, государственные деятели и вообще неравнодушные граждане нашей страны, вероятно, не раз задавали себе вопросы, которые во многом и определили ход новейшей истории после 1991 года. Почему произошел распад СССР? Существовало ли надежное средство, позволявшее предотвратить этот распад? Где именно лежала та самая «точка невозврата», пройдя которую Советский Союз, в силу различных причин, потерял свое уникальное единство и устойчивость, которыми он так славился и которые в свое время позволили ему достигнуть Великой Победы в 1945-м, первым шагнуть в космос? И была ли на самом деле в нашей новейшей отечественной истории такая «точка невозврата»?

Ответы на поставленные вопросы, вероятно, кроются в событиях послевоенной истории и политических устремлениях советского руководства последней четверти XX-го столетия. Как известно, замедление темпов роста советской экономики и экономические проблемы достаточно отчетливо проявились в 1970-е годы. К этому периоду времени произошло отставание СССР от США в космической лунной программе, в развитии электроники и вычислительной техники, возникла и получила свое развитие практика «затыкания дыр» в товарном и технологическом дефиците за счет продажи на мировом рынке сырьевых энергетических ресурсов. В то же время многие страны демонстрировали успешное гармоничное развитие, достаточно упомянуть,

например, японское экономическое чудо. К 1989 году Япония по общему объему ВВП вышла на второе место в мире после США, оттеснив, таким образом, СССР на третье место.

При этом Советский Союз продолжал нести несоизмеримо высокие военные и иные расходы, связанные с глобальной гонкой вооружений и поддержкой дружественных стран. За рубежом в Восточной Европе общая численность наших войск (ГСВГ, ЦГВ, СГВ, ЮГВ и др.)¹ превышала миллион человек, а в 1979 году войска были введены в Афганистан. Народное хозяйство финансировалось, как правило, по остаточному принципу и при этом все более усиливалась зависимость государства от сырьевого сектора экономики. Преимущества плановой системы экономики, наиболее успешно проявившиеся в военное и послевоенное время [6], начали давать сбои в более сложных условиях инноваций, научно-технической революции и конкуренции.

Наиболее вероятно, что впервые вопрос об устойчивости государства в связи с замедлением экономического роста и усиливавшимся влиянием западной экономики и западного образа жизни был поставлен Л.И. Брежневым и А.Н. Косыгиным, что следует из процесса подготовки новой конституции СССР 1977 года [1, 9]. При этом в новую конституцию, в отличие от конституции 1936 года, была внесена статья № 6, закрепившая руководящую и направляющую роль КПСС в государственном строительстве. По существу, КПСС и ранее успешно выполняла роль «станового хребта» — основы конструкции многонационального социалистического государства, однако теперь это было официально задекларировано и закреплено на законодательном уровне.

¹ ГСВГ — Группа Советских войск в Германии (ГДР, Вюндсдорф); ЦГВ — Центральная группа войск (Чехословакия, Леговице); СГВ — Северная группа войск (Польша, Легница); ЮГВ — Южная группа войск (Венгрия, Будапешт).

Следует отметить, что при И.В. Сталине государство, помимо роли партии как таковой, во многом обеспечивалось и укреплялось режимом тоталитарной личной власти, в то время как при Н.С. Хрущеве и Л.И. Брежневе влияние этого фактора заметно ослабло. Очевидно, что в связи с ослаблением тоталитаризма, политической «оттепелью» и разрядкой международной напряженности необходима была также и коррекция государственной устойчивости. Следует признать, что в условиях ослабления режима личной власти, усиления влияния Запада и усложнения экономики законодательное закрепление роли партии, как основы конструкции государственного устройства СССР, было весьма действенным, своевременным, и, в целом, достаточно успешно обеспечивало стабильность многонационального союзного государства.

К моменту прихода к власти в 1985 году М.С. Горбачева негативные явления в экономике усиливались, но вместе с этим СССР оставался мощной экономической державой с развитыми базовыми отраслями промышленности. По политическому влиянию на общемировой порядок Советский союз, бесспорно, являлся сверхдержавой. Многонациональный советский народ был достаточно однороден и сплочен, при этом многие социальные, этнические и культурные различия между людьми в процессе эволюции общества нивелировались, причем так, что можно было с достаточным основанием говорить о формировании Советского народа как «единой исторической общности советских людей». Лозунг «Народ и партия едины» не был пустым звуком и основательно укоренился в сознании многих советских людей.

Многие вопросы и проблемы общественной, межнациональной, экономической и политической жизни и государственного строительства СССР, оказавшие существенное влия-

ние на развитие страны и создавшие предпосылки дестабилизации государственно-политического устройства СССР, и, в конечном итоге, ускорившие его распад, рассмотрены в работах И.Р. Абдуллоева, А.С. Барсенкова, Э. Батлера Уильяма, В.П. Безбородова, А.И. Вдовина, М.М. Коршунова, В.А. Космача, П.П. Кремнева, Д.А. Лукашевича, А.П. Мякшева, З.А. Станкевича, Ю.С. Тюзиной, А.Е. Савченко, А.А. Федотова, К.В. Щербаковой, А.В. Шубина [1–5, 8, 18–28] и других ученых. Эти работы относятся к разным областям знаний исторического, политологического, юридического и философского характера, но при этом объединены исследованием одной общей проблемы, фундаментальный характер, целостность, актуальность и значение которой достаточно очевидны. Определенное значение для исследования имеют также научные работы и другие публичные материалы известных политических деятелей и руководителей, имеющих непосредственное отношение к затронутой проблеме: С.М. Шахрая, С.Н. Бабурин, Н.И. Травкина, А.И. Рущого, Г.Э. Бурбулиса, Э.А. Шеварднадзе, Г.А. Зюганова, В.В. Жириновского, Р.И. Хасбулатова, Д.Т. Язова, В.И. Варенникова, Н.И. Рыжкова, В.И. Долгих, Г.А. Алиева, И.Г. Алиева, А.Г. Лукашенко, К.Ж.К. Токаева и других, а также главных действующих лиц политического процесса — М.С. Горбачева, Б.Н. Ельцина, Л.М. Кравчука, С.С. Шушкевича, Н.А. Назарбаева.

Следует отметить, что в качестве основной причины потенциальной нестабильности внутривнутриполитической обстановки в СССР отмечена возросшая роль партийно-государственной номенклатуры на республиканском и региональном уровнях при наличии факторов, способствующих переориентации приоритетов в ее практической деятельности, жизненных установок, предпочтений и устремлений (д. и. н. А.В. Шубин) [26]. Межнациональным отношениям и противоречиям в этой

сфере отведена вторичная, по существу «индикаторная» по отношению к основному фактору, роль. Поэтому основную роль катализатора процессов дезинтеграции сыграл именно первый фактор. С учетом специфики государственного устройства СССР такая трактовка вполне обоснована и убедительна.

Посвященные исследованию проблемы работы юридического характера (П.П. Кремнев, З.А. Станкевич, Д.А. Лукашевич и др.) сосредоточены главным образом на рассмотрении и анализе действующего на тот момент гражданского законодательства, включая подзаконные акты и постановления Совета министров СССР и даже роли отдельных межгосударственных соглашений (например, пакта Молотова-Риббентропа, Д.А. Лукашевич) [15], но при этом не затрагивают основ конституционного устройства в сфере отношений союзных республик с центром. А между тем именно эти вопросы представляют наибольший интерес и именно их влияние на исторический и политический процессы, предшествующие распаду СССР и сопровождавшие процесс распада в последующем, можно определить как основное, способное задать правильный, рациональный вектор развития государства.

В целом, весь ход истории, а также анализ известных работ и материалов показывают, что необходимость коррекции государственной устойчивости на рубеже 1980-х годов возникла, но при этом глубоких и исчерпывающих мер, обеспечивающих ее реализацию, в годы, предшествующие распаду СССР, разработано, предложено и принято не было. Не произошло это и в последующие три десятилетия, вплоть до настоящего времени. В связи с этим, проблема остается открытой и недостаточно исследованной, представляющей определенный и несомненный интерес для альтернативной истории, новейшей истории, политологии и других областей знаний.

Очевидно, что экономические, политические и военные реформы в стране нужно было проводить, не лишая при этом государствообразующую конструкцию СССР ее основной несущей части — опоры, в роли которой традиционно выступала Коммунистическая партия. Без такой опоры, либо без ее достойной и адекватной замены проводить процессы демократизации, гласности и экономического реформирования в сложившихся к тому времени условиях было крайне рискованно, опрометчиво и недальновидно. Что, по всей видимости, и явилось основной системной ошибкой М.С. Горбачева, сыгравшей в последующих событиях роковую роль.

М.С. Горбачев, безусловно, имел свое собственное мнение и свое видение процесса развития страны, исходя из того, что как лидер перестроечных процессов еще имел достаточную поддержку как в обществе, так и среди партийно-хозяйственной номенклатуры. Тем не менее, он понимал, что, во-первых, кредит доверия не может быть неисчерпаемым, и в сложившихся условиях может быть быстро израсходован, во-вторых, новые сложности и вызовы времени требуют большей консолидации гражданского общества и государственной власти. В-третьих, видел, что возник и продолжает углубляться разрыв между интересами партийно-бюрократического и хозяйственного аппаратов разных уровней с одной стороны, и простых людей с другой, при несколько обособленном положении его самого, как лидера государства и перестройки.

В этих условиях он предпочел укрепить свою личную власть, введя пост президента и добившись избрания на этот пост на съезде народных депутатов, а вопросам укрепления конституционных основ СССР в сфере международных и межсубъектных отношений, т.е. основным вопросам государственной власти многонационального союзного государства, не уде-

ляет достаточного внимания, несмотря на наличие большого опыта работы, образования и диплома юриста. Очевидно, что в концепции перестройки и реформ М.С. Горбачева произошла явная и в конечном итоге фатальная для СССР переоценка роли личностных качеств самого Горбачева, а также роли личности в истории вообще, в ущерб роли конституционности как основы, определяющей отношения союзной верховной и республиканских национальных ветвей власти. Исключив руководящую и направляющую роль КПСС, М.С. Горбачев попытался взвалить весь комплекс вопросов и проблем на себя, оставаясь при этом во многом недостаточно подготовленным и лишившись поддержки многих более подготовленных и талантливых представителей КПСС [23, 13, 14].

Так что же именно в сложившихся к тому времени условиях могло быть использовано в качестве наиболее действенной и эффективной, но при этом альтернативной опоры полноценной отечественной государственности, не считая саму КПСС?

Прежде всего, это действительно полноценное народное волеизъявление и народовластие, с неперемными юридически обязывающими последствиями, закрепленные конституцией государства. И в первую очередь, это относится к сфере международного и межсубъектного взаимодействия в рамках исторически сложившегося многонационального государства [1, 2].

Конституция СССР и союзный договор 1922 года изначально содержали положения о возможности добровольного выхода союзной республики из СССР, но не предусматривали согласия на это остальной части Союза. Как известно, это являлось следствием Ленинской национальной политики, базировавшейся на наиболее широком понимании права наций на самоопределение и на стремлении привлечь в состав Союза другие народы мира [3]. Прежде всего, это относилось к со-

предельным государствам (Германия, Польша, Турция, Финляндия, Монголия, прибалтийские и балканские государства) либо с сильным революционным движением, либо входившим в состав Российской империи, либо традиционно относившихся к сфере влияния последней. Можно сказать, что В.И. Ленин, по крайней мере на определенном этапе, относился к СССР скорее не как к государству, а как к прообразу мировой системы социализма. Утопичность и несостоятельность этой политики проявились значительно позднее, однако ее отражения сохранялись в Конституции СССР вплоть до 1991 года, что, конечно, в годы правления М.С. Горбачева выглядело явным анахронизмом.

Первую за весь послевоенный период коррекцию государственной устойчивости в связи с затронутыми в первой части статьи проблемами, введя в Конституцию 6 статью, сделали Л.И. Брежнев и А.Н. Косыгин в 1977 году [14, 19]. Необходимость последующей коррекции отчетливо проявилась в связи с политикой перестройки, а также событиями в Нагорном Карабахе, усилением роли национальных партийных элит, чрезвычайными ситуациями и экономическими трудностями — перед XIX конференцией КПСС. Как известно, такая коррекция была сделана, но совершенно не в том направлении, оставляя право выхода союзной республики из состава СССР практически в неизменном виде, дополнив его лишь законом СССР «О решении вопросов, связанных с порядком выхода союзной республики из СССР», который на деле только подталкивал руководителей республик «действовать в указанном направлении».

Сложившееся положение в конституционном поле СССР, таким образом, давало право и возможность «окрепшей» партийно-хозяйственной номенклатуре, национальным элитам и появившейся к тому времени организованной политической оппозиции

[11, 12, 16] инициировать процессы отделения союзных республик с целью достижения и укрепления своей власти [14], что в конечном итоге и привело к тому, что президент РФ В.В. Путин совершенно справедливо назвал «величайшей геополитической катастрофой XX века».

Альтернативой такому крайне негативному для полноценной отечественной государственности развитию событий являлось четкое законодательное закрепление в Конституции СССР базового принципа, заключающегося в том, что: «Выход союзной республики из состава Союза ССР возможен по результатам общесоюзного референдума, поскольку этот важнейший для государства вопрос самым непосредственным образом затрагивает права и интересы всего населения СССР, всех субъектов Союзного государства». Достаточно очевидно, что при такой постановке вопроса создавался надежный заслон деструктивным националистическим устремлениям, и в то же время сама возможность выхода союзной республики из состава Союза ССР не отрицалась и не исключалась из конституции, сохраняя ее глубокий смысл, разумность и привлекательность.

Принятие данного положения на общесоюзном референдуме было бы вполне разумным и своевременным перед XIX партконференцией или после нее, когда вопрос об исключении ст.6 из Конституции СССР активно обсуждался и не вызывал бы особых сомнений в его результате. Возможно, не поздно было осуществить это даже в марте 1991 года на общесоюзном референдуме, но при этом обязательно законодательно закрепив результат либо в Конституции Союза ССР, либо в отдельном соответствующем законе. На практике же получилось совсем по-другому.

Оптимальным, конечно, было бы принятие данного положения не позднее изъятия 6-й статьи или одновременно с этим, так как в этих случаях одна

действующая опора государствообразующей конструкции своевременно заменялась другой аналогичной «новой опорой». При этом период возникновения государственной неустойчивости [15] полностью исключался. Поэтому именно в таком виде в анализируемых случаях знаменитая «поправка Сахарова» сработала бы, безусловно, на благо всего Советского народа и полноценной отечественной стабильности.

Оппоненты, конечно, могут возразить: «А как же быть с правом наций на самоопределение?» Однако следует понимать, что самоопределение при таком решении, в принципе, возможно и реализуемо, но, естественно, при полноценном и справедливом учете прав и интересов соседних народов, объединенных в одно единое государство весьма длительными историческими периодами, с исключительно уникальной территориальной и вполне гармонично сложившейся языковой общностью. В таких условиях вполне естественно, что во всех сферах и областях государственной жизни, и, в первую очередь, в конституционном пространстве во главе угла непременно должен был стоять основной вопрос о недопустимости причинения вреда и ущерба сложившимся долговременным культурным, историческим, экономическим и иным связям и отношениям всех субъектов, народов, граждан нашей большой страны.

Кроме того, именно в такой постановке была бы достигнута полноценная реализация принципа территориальной целостности сложившегося государства, который также, как и само право наций на самоопределение, продекларирован и закреплен Декларацией ООН [7]. «Политическая мудрость отцов-основателей ООН, прошедших суровые годы военных испытаний и невзгод, основываясь на духе союзничества и сотрудничества объединенных наций, позволила соединить в итоговых документах, казалось, несовместимые основополагающие принципы построе-

ния современной политики государств, оставив потомкам право разрешить их благоразумно» [7]. При этом, как известно, наиболее взвешенное, продуманное и справедливое решение принимается, как правило, консенсусом, по примеру принципа принятия решений Советом Безопасности ООН. Применительно к исследуемой проблеме роль общесоюзного референдума должна была быть, таким образом, безусловно, выше роли республиканского референдума и высшей формой демократии в государстве. Хотя при этом значение, возможность и роль республиканских референдумов по многим вопросам могли быть сохранены, и они бы только способствовали гармонизации формируемых на новом историческом этапе развития межнациональных и межсубъектных отношений [5].

С учетом изложенного и многих других сопутствующих факторов, предлагаемое политическое решение, основанное на, вероятно, единственно возможном компромиссном соотношении права наций на самоопределение и принципа территориальной целостности государства, представляется наиболее справедливым, обоснованным, разумным и приемлемым. Поэтому отсутствие на завершающем этапе перестройки в Конституции СССР необходимых и достаточных условий государственной устойчивости, определяющих стабильность центральной союзной власти и задающих основной вектор политического развития страны, явилось фундаментальной причиной, запустившей политический процесс неконтролируемого движения союзного государства к своему распаду.

Данный вывод согласуется и подтверждается упомянутыми известными результатами исследований о роли партийно-бюрократических или бывших партийно-бюрократических республиканских элит, и, прежде всего, России и Украины, в движении к полной государственной независимости республик [16, 18, 24]. Достаточно очевидно, что

для сохранения действенности и устойчивости Союзной власти требовались законодательные условия, основанные, прежде всего, на предложенном принципе, и удерживающие руководителей республик в рамках цивилизованного правового поля СССР. Эти условия, естественно, не позволяли бы подвести хоть какую-либо убедительную законодательную базу под подписание соглашений, аналогичных Беловежским. При этом практически любые шаги и действия правящих республиканских элит, направленные на разрушение СССР, являлись бы однозначно незаконными, и, что немаловажно, воспринимались бы таковыми не только руководством страны, но и выглядели бы абсолютно незаконными и неестественными в глазах всего советского народа.

К сожалению, нереализованность изложенного в статье принципа, по мнению автора, привела к параду суверенитетов, который поставил крест на планах совместного реформирования великой и некогда единой страны. Руководители республик провели свои местные референдумы, недостаточная легитимность и противоречивость которых становятся все более очевид-

ными, либо оформили независимость решениями парламентов. Так, например, в проведенном по инициативе Л.М. Кравчука после поражения ГКЧП всеукраинском референдуме не принимали участие более 20 миллионов украинцев из различных частей СССР, в то время как приняли участие более 12 миллионов русских, проживающих на Украине. Кроме того, само этническое различие между ними неявно и весьма условно. С точки зрения здравого смысла становится понятно, что результаты такого республиканского референдума вряд ли были бы более объективными, чем общесоюзного, и при этом противоречили бы последнему. Таким образом, результаты республиканского референдума вряд ли следует считать объективными, легитимными и отвечающими подлинным интересам людей [16].

В то время как своевременная реализация предложенного базового принципа в Основном законе СССР привела бы к спокойному созидательному развитию страны на долгие годы вперед на подлинно демократических принципах, без социально-экономических коллапсов, войн и потрясений.

Литература

1. *Абдуллоев И.Р.* Из истории распада СССР // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. — 2013. — № 3(36). — С. 103–115.
2. *Барсенков А.С.* Реформы Горбачева и судьба союзного государства в 1985–1991 гг. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. — 362 с.
3. *Батлер Уильям Э.* Актуальное исследование правовых основ распада СССР // Вестник Московского университета. — Серия 11. Право. — 2009. — № 3.
4. *Безбородов В.П.* Формационные основания распада СССР и модернизации России // Вестник Омского университета. — 2012. — № 1. — С. 1–23.
5. *Вдовин А.И.* Российская нация: национально-политические проблемы XX века и общенациональная российская идея: Дисс. докт. ист. н. — М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 1995.
6. *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. — М.: Государственное издательство политической литературы (ОГИЗ-Госполитиздат), 1947. — 192 с.
7. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества государств в соответствии с Уставом ООН. Резолюция 2625 (XXV) Генеральной ассамблеи ООН от 24.10.1970. Женева–Вашингтон. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 20.12.2022)

8. *Дрожжин В.А.* Был ли Советский Союз империей? Правовые аспекты распада СССР // Московский журнал международного права. — 1996. — № 4. — С. 22–27.
9. Закон СССР «О решении вопросов, связанных с порядком выхода союзной республики из СССР» от 03.04.1990. № 1409-1 // Свод законов СССР. — 1990. — Т. 1.
10. Интервью М. Симонян с президентом Казахстана К.-Ж.К. Токаевым во время встречи с президентом РФ В.В. Путиным. Июнь 2022. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XzNPPGRVzKg> (дата обращения: 20.12.2022).
11. Интервью с экс-замминистра обороны СССР В.И. Варенниковым. 1997. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.youtube.com/watch?v=VMxpJYZaX_g (дата обращения: 20.12.2022).
12. Итоговое (последнее) интервью маршала Советского Союза Д.Т. Язова военному обозревателю «Комсомольской правды» В. Баранцу, 25 февраля 2020. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.kp.ru/daily/27096/4169081/> (дата обращения: 20.12.2022).
13. Конституция СССР 1936 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> (дата обращения: 20.12.2022).
14. Конституция СССР 1977 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm> (дата обращения: 20.12.2022).
15. Конституция СССР (редакция 1990 г.) [Электронный ресурс]. — URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/1549448/ (дата обращения: 20.12.2022).
16. *Космач В.А., Щукина А.И.* Распад СССР: Причины и геополитические последствия // Сб. трудов IV международной научно-практической конференции Молодость, интеллект, инициатива. — Витебск: Изд-во Витебского гос. университета им. П.М. Машерова, 2016. — С. 157–158.
17. *Кремнев П.П.* Распад СССР: международно-правовые проблемы — М.: Зерцало, 2005. — 226 с.
18. *Лукашевич Д.А.* Распад СССР: Историко-правовое исследование: Дисс. канд. юрид. н. — М.: МГУ, 2013.
19. Материалы работы комиссии по подготовке проекта новой Конституции СССР 1977 года. [Электронный ресурс]. — URL: <https://constitution.garant.ru/science-work/modern/3001/> (дата обращения: 20.12.2022).
20. *Станкевич З.А.* Историко-правовые аспекты распада Союза ССР. — Дисс. докт. юрид. н. — М., 2002.
21. *Станкевич З.А.* История крушения СССР: политико-правовые аспекты. — М.: Изд-во МГУ, 2001. — 320 с.
22. *Федотов А.А.* Из истории распада СССР // На пути к гражданскому обществу. — 2014. — № 2. С. 84–86.
23. *Шахрай С.М., Станских С.Н.* Мифология распада СССР // Журнал российского права. — 2010. — № 1 (157). — С. 127–137.
24. *Штин К.Н.* Конституционно-политический кризис в России (1990–1993 гг.). Дисс. канд. ист. н. — М.: МГУ, 2006.
25. *Шубин А.В.* Распад СССР: объективные причины и субъективные факторы // Россия и АТР. История и археология. — 2016. — № 3 (93). С. 23–48.